

Туман окутал океан, приглушая все краски и звуки. Он колыхался и бурлил, когда первые струйки утреннего бриза потекли к суше. Траулер стоял в тумане в трех милях от берега, на краю течения, где восходящие глубинные воды, богатые приносящим жизнь планктоном, встречались со спокойной прибрежной водой, образуя более темную зеленую полосу.

В рулевой рубке Лотар де ла Рей, облокотившись на штурвал, вглядывался в туман. Он любил эти тихие волнующие минуты перед рассветом. Он ощущал, как его тело начинает покалывать, словно в крови бежали электрические искры. Это была страсть охотника, которую он испытывал уже бесчисленное множество раз, неистребимая, такая же мощная, как зависимость от опиума или крепких напитков.

Мысленно вернувшись в прошлое, он вспомнил нежный розовый рассвет, что медленно растекался над вершинами Магерсфонтейна. В тот день сам Лотар, припав к брустверу окопа, ждал, когда из темноты появятся линии шотландской пехоты в плавно волнующихся килтах и с развевающимися лентами на шапках, чтобы двинуться маршем прямо на их ожидающие винтовки маузера. По его коже побежали мурашки при этом воспоминании.

С тех пор миновали сотни других рассветов, когда он точно так же ожидал большую добычу — льва с косматой гривой в Калахари, запаршивевшего старого буйвола с огромными рогами, мудрого серого слона с морщинистыми боками и драгоценными длинными бивнями. И хотя теперь добыча была не очень крупной, но по многочисленности такой же необъятной, как порождавший ее океан.

Течение его мыслей прервалось, когда из камбуза на открытую палубу вышел мальчик. Он ступал босиком, ноги у него были длинными, загорелыми и сильными. Ростом он уже почти не уступал взрослому мужчине, так что ему пришлось нагнуться, входя в дверь рулевой рубки. В каждой руке он держал по оловянной кружке с горячим кофе.

— Сахар? — спросил Лотар.

— Четыре ложки, па. — Мальчик усмехнулся в ответ на улыбку Лотара.

Туман осел каплями росы на его длинных ресницах, и он сморгнул их, как сонный кот. Хотя выющиеся светлые волосы мальчика выгорели на солнце так, что в них появились пряди платинового тона, брови и ресницы у него были густыми и черными; они обрамляли и подчеркивали его янтарные глаза.

— Много рыбы сегодня, — сказал Лотар.

И скрестил пальцы правой руки в кармане штанов, чтобы отогнать неудачу из-за сказанного вслух. «Нам это необходимо, — подумал он. — Чтобы выжить, нам нужно много хорошей рыбы».

За пять лет до этого он в очередной раз поддался зову охотничьего рога, соблазнившись погоней и дикими местами. Он продал процветающую компанию по строительству автомобильных и железных дорог, так старательно им созданную, собрал все средства, что мог, включая заемные, и поставил на кон.

Он знал, какие безграничные сокровища скрывают холодные зеленые воды Бенгельского течения. Он впервые заметил их в те хаотичные последние дни Великой войны, когда он в последний раз восстал против ненавистных англичан и их марионетки, предателя Яна Смэтса, вставшего во главе армии Южно-Африканского Союза.

С тайной базы среди высоких пустынных дюн на берегу Южной Атлантики Лотар снабжал топливом и оружием немецкие подводные лодки, нападавшие на корабли британского торгового флота. И, сидя в те дни на берегу океана в ожидании прихода субмарин, он увидел, что этот самый океан таит безмерные дары. Их нужно было просто взять. И в те годы, что прошли после заключения постыдного мира в Версале, он строил планы, трудясь в пыли и жаре, взрывая и расчищая горные перевалы

или ведя свои дороги напрямик через мерцающие долины. Он копил, планировал, составлял схемы...

Эти траулеры для ловли сардин, обнаруженные им в Португалии, представляли собой заброшенные, прогнившие суда. А еще он нашел там да Сильву, старого и мудрого, знающего жизнь моря. Они вместе отремонтировали и переоснастили четыре древних траулера, набрали основную команду и отправились на юг вдоль Африканского континента.

Консервный завод, который Лотар нашел в Калифорнии, был построен там, чтобы перерабатывать тунца, но основавшая его компания переоценила численность рыбы и недооценила стоимость вылова этих непредсказуемых «морских цыплят». Лотар купил заводик за малую долю его первоначальной стоимости и целиком перевез все его оборудование в Африку. Здесь он заново поставил завод на плотных песках пустыни, рядом с развалинами заброшенной китобойной базы, от которой и произошло голландское название этой безлюдной бухты — Уолфиш-Бей, Китовый залив.

В первые три сезона Лотар и старый да Сильва нашли тунца, и они пожинали урожай бесконечных косяков рыбы, пока Лотар выплачивал висевшие на нем ссуды. Он сразу заказал новые суда, чтобы заменить ветхие португальские траулеры, срок службы которых подошел к концу, и в результате еще глубже погряз в долгах, чем в начале этого приключения.

А потом рыба исчезла. По причинам, которых никто не мог понять, огромные косяки сардин пропали, оставив лишь маленькие редкие стайки. И пока они искали впустую, уходя в море на сотню миль и дальше, обшаривая длинное пустынное побережье на таком расстоянии от завода, что это теряло экономический смысл, месяцы безжалостно текли, и каждый приносил возросшую сумму процентов, при этом содержание завода и судов тоже стоило денег, так что Лотару пришлось искать новые ссуды.

Два года без рыбы. И тут весьма эффектно, как раз в тот момент, когда Лотар понял, что проиграл, в волнах течения произошла легкая перемена — или это немного изменился ветер — и рыба вернулась, хорошая рыба, жирная, идущая косяками, густыми, как молодая трава...

— Пусть только не уйдет, — молча молился Лотар, всматриваясь в туман. — Пожалуйста, Боже, пусть она не уйдет...

Еще три месяца — это все, в чем он нуждался, всего три коротких месяца, — и он рассчитается со всеми долгами и снова станет свободным.

— Туман поднимается, — сказал мальчик.

Лотар моргнул и слегка качнул головой, возвращаясь к реальности.

Туман расходился, как театральный занавес, и открывшаяся сцена выглядела мелодраматично, даже слишком красочно для естественной, когда рассвет загорелся, словно шоу фейерверков, оранжевый, золотой и зеленый там, где он отражался в океане; он окрашивал подвижные столбы тумана в цвета крови и роз, и сама вода вспыхнула неземным огнем. Магическую картину усиливала тишина, тяжелая и прозрачная, как кристалл, и людям казалось, что они внезапно оглохли, будто, кроме зрения, все остальные их чувства исчезли, и им оставалось лишь в изумлении смотреть на открывающееся зрелище.

А потом вспыхнуло солнце, сияющий луч чистого золота прорвался сквозь покров тумана. Он заиграл на поверхности воды, и линия течения ярко осветилась. Прибрежные воды оставались мутно-синими, спокойными и гладкими, как масло. Та линия, где они встречались с глубинными водами настоящего океанского течения, выглядела прямой и четкой, словно острие ножа, а за ней поверхность воды была темной и взъерошенной, как зеленый бархат, который погладили против ворса.

— Daar spring hy! — закричал с передней палубы да Сильва, показывая на линию темной воды. — Вон она, прыгает!

В раннем свете солнца, едва касающегося воды, из глубины выпрыгнула одинокая рыба. Она была чуть длиннее мужской ладони — крошечный кусочек полированного серебра.

— Готовься!

Голос Лотара прозвучал хрипло от возбуждения. Мальчик быстро поставил свою кружку на штурманский стол, и последние капли кофе расплескались; мальчик быстро спустился по трапу вниз, в моторный отсек.

Лотар защелкал переключателями, а мальчик внизу наклонился к заводной рукоятке.

— Заводи! — крикнул Лотар вниз.

Мальчик налег на рукоятку, запуская четырехцилиндровый мотор. Ему еще не исполнилось тринадцати, но он уже обладал почти такой же силой, как мужчина, и когда он работал, на его спине бугрились мускулы.

— Давай!

Лотар закрыл клапаны, и мотор, еще не остывший после пробега из залива, взревел. Из выхлопной трубы в бок корпуса вырвалась струя маслянистого черного дыма, и мотор заработал ровно.

Мальчик поднялся по трапу, выскочил на палубу и поспешил на нос, где стоял да Сильва.

Лотар повернул штурвал, и судно вышло к линии течения. Туман рассеялся, и они увидели другие суда. Те тоже тихо стояли в тумане, ожидая первых лучей солнца, но теперь спешили к течению, и за ними по безмятежной поверхности воды разбегались в стороны волны, а перед носами волны вскипали белой пеной в солнечном свете. Вдоль поручней стояли команды, которые всматривались вперед, и звуки их взволнованных голосов слышались даже сквозь гул моторов.

Сквозь стекла рулевой рубки Лотар имел полный обзор рабочей территории пятидесятифутового траулера, и он в последний раз проверил готовность. Длинная сеть лежала вдоль поручней правого борта, ее верхняя пробковая линия была аккуратно выложена. Сухая сеть весила семь с половиной тонн, а мокрая была во много раз тяжелее. Длина сети составляла пятьсот футов, и в воде она свисала с поплавков на глубину семьдесят футов, как прозрачный занавес. Она обошла Лотару больше чем в пять тысяч фунтов, куда больше, чем обычный рыбак мог заработать за двадцать лет упорного труда, и остальные три его судна были снаряжены так же. А на корме каждого траулера был надежно закреплен фалинем «буки» — ялик длиной в восемнадцать футов.

Окинув все внимательным взглядом, Лотар решил, что все готово к броску, а потом посмотрел вперед как раз в тот момент, когда из воды выпрыгнула другая рыба. На этот раз она была так близко, что Лотар смог увидеть темные полосы на ее блестящих боках и окраску — неземной зеленый над полосой и сияющее

серебро ниже. Потом рыбина хлопнулась в воду, оставив на поверхности темную вмятину.

Точно это стало сигналом, океан ожил в одно мгновение. Вода потемнела, как будто солнце закрыла тяжелая туча, но эта туча всплыла из глубины, поднимаясь к поверхности, и вода закипела, словно где-то внизу буянили монстры.

— Сардины! — кричал да Сильва, поворачиваясь морщинистым темным лицом к Лотару и одновременно широко разводя руки, будто желая охватить безбрежность воды, кипящей рыбой.

Перед ними возник косяк в милю шириной и уходящий в глубину настолько, что взор не мог уловить его край. За все охотничьи годы Лотар ни разу не видел такого скопления жизни, такого множества существ одного вида. Кроме разве что саранчи, способной скрыть африканское полуденное солнце, да стай крошечных птиц-ткачиков, чей объединенный вес ломал ветви огромных деревьев, на которые они садились. Команды траулеров замолкли и благоговейно взирали на косяк, вырвавшийся на поверхность, и вода побелела и заискрилась, как снежный сугроб; несметные миллионы маленьких чешуйчатых тел вырвались на солнечный свет, когда их приподняли над водой бесчисленные сородичи, наплавившие снизу.

Да Сильва опомнился первым. Он повернулся и побежал по палубе, быстро и живо, как юноша, и задержался лишь у двери рулевой рубки.

— Мария, Матерь Божья! Даруй нам полные сети до конца этого дня!

Это прозвучало как трогательное предупреждение, а потом старик умчался на корму и перебрался через планшир в ялик, и по его примеру остальная часть команды спохватилась и поспешила к своим местам.

— Манфред! — позвал Лотар сына.

Мальчик, зачарованно стоявший на носу траулера, послушно кивнул и бросился к отцу.

— Бери штурвал.

Это была огромная ответственность для столь юного человека, но Манфред уже много раз доказывал свои способности, так что Лотар не мучился дурными предчувствиями, покидая рубку.

На носу он подал сигнал, даже не оглядываясь, и тут же ощутил, как палуба накренилась под его ногами, когда Манфред повернул штурвал, следуя сигналу отца, чтобы начать описывать широкий круг, огибая рыбный косяк.

— Так много рыбы, — прошептал Лотар.

Когда он взглядом оценивал расстояние, направление ветра и течение, то вспомнил о предупреждении старого да Сильвы: траулер и сеть могут выдержать сто пятьдесят тонн этих шустрых серебристых сардин, а при особом умении и удаче, возможно, и двести тонн.

Перед Лотаром был косяк в миллионы тонн рыбы. Если забросить сеть необдуманно, можно сразу выловить десять или двадцать тысяч тонн, но такой вес легко порвет сеть, оторвет пробковый линь или скovyрнет с палубы швартовую тумбу и утащит ее в морские глубины. Или, еще хуже, если выдержат линь и тумба, сам траулер может перевернуться. Лотар может тогда потерять не только дорогую сеть, но и судно, и команду, а также сына.

Он невольно оглянулся через плечо, и Манфред улыбнулся ему в окно рулевой рубки, лицо мальчика светилось возбуждением. Его сверкающие янтарные глаза и белые зубы живо напомнили Лотару его мать, и его кольнуло горькой болью, прежде чем он вернулся к делу.

Эти несколько мгновений рассеянности чуть не испортили все. Траулер шел прямо на косяк, и через считанные секунды он бы налетел на массу рыб, те услышали бы шум мотора, и тогда косяк, двигаясь в таинственном единении, как некий цельный организм, мог снова исчезнуть в океанских глубинах. Лотар быстро подал знак повернуть, и мальчик мгновенно повиновался. Траулер резко развернулся, и они двинулись вдоль края косяка, держась в пятидесяти футах от него, выжидая подходящий момент.

Еще один быстрый взгляд вокруг дал Лотару понять, что другие его шкиперы тоже осторожно держатся поодаль, ошеломленные неизмеримой массой сардин, возле которой они кружили. Темный Хендрик смотрел с другой палубы на Лотара; лысая голова этого черного гиганта блестела на раннем солнце, как пушечное ядро. Товарищ Лотара в войне и в сотнях дерзких начинаний,

он, как и Лотар, с готовностью перешел с суши на море и теперь ловил рыбу с таким же искусством, с каким прежде охотился на слонов и на людей. Лотар подал ему знак «осторожно, опасность», и Темный Хендрик беззвучно засмеялся и махнул рукой, показывая, что понял.

Грациозно, как танцоры, четыре судна кружили вокруг огромного косяка, пока последние клочки тумана не рассеялись и легкий бриз не унес их прочь. Солнце очистило горизонт, далекие дюны пустыни засияли, как бронза, только что вышедшая из плавили, являя собой прекрасный фон для начинавшейся охоты.

Рыба продолжала держаться плотной массой, и Лотар уже начал отчаиваться. Сардины находились на поверхности уже больше часа, дольше обычного. В любой момент они могли исчезнуть по непонятному сигналу, а ни один из его траулеров еще не забросил сеть. Им препятствовало именно изобилие, они были ничими перед безграничным сокровищем, и Лотар почувствовал, как в нем просыпается безрассудство. Он уже слишком долго ждал.

«Закидывать — и пропади все пропадом!» — подумал он и подал знак Манфреду, прищурившись от яркого света, когда они повернули к солнцу.

Но прежде чем он успел совершить глупость, он услышал свист да Сильвы и оглянулся на португальца — тот стоял на банке ялика и бешено жестикулировал. Позади них косяк начал вздвигаться. Сплошная округлая масса рыбы меняла форму. От нее отделился усик, бугорок... нет, это скорее походило на голову на тонкой шее, когда часть косяка отошла чуть в сторону. Этого они и ждали.

— Манфред! — закричал Лотар и замахал правой рукой.

Мальчик крутанул штурвал, траулер развернулся, и они нацелились носом на шею косяка, как топор палача.

— Малый ход!

Лотар хлопнул в ладоши, и траулер почти остановился. Судно осторожно нацелилось носом на узкую часть косяка. Вода была такой прозрачной, что Лотар мог видеть отдельных рыбок, и каждая из них радужно сияла в окружении солнечных лучей, а внизу грудилась основная часть гигантской стаи, темно-зеленая, непрозрачная, как айсберг.

Лотар и Манфред аккуратно подвели нос траулера к живой массе, винт едва вращался, чтобы не встревожить рыбу. Узкая струйка сардин раскололась перед носом судна, и небольшая часть рыбы отделилась. Лотар, как пастушеская овчарка, отгонял их в сторону, поворачивая и медленно двигаясь вперед, а Манфред точно следовал сигналам его руки.

— Все еще слишком много, — пробормотал себе под нос Лотар.

Они отделили от косяка лишь малую часть, но Лотар прикинул, что там все равно больше тысячи тонн, а еще больше рыбы скрывалось в глубине, так что он вообще не мог оценить ее количество.

Да, это был риск, большой риск. Краем глаза он видел да Сильву, взволнованно предупреждавшего жестами об осторожности, а теперь он еще и свистнул. Старик боялся такой массы рыбы, и Лотар усмехнулся; его желтые глаза прищурились и сверкнули, как отполированный топаз, когда он подал Манфреду знак еще больше сбросить скорость и намеренно повернулся спиной к старику.

На скорости пять узлов он проверил Манфреда и направил его вокруг под крутым углом, вынуждая оторвавшихся рыб сгрудиться в центре круга, а потом, когда они обходили сардин во второй раз и траулер оказался с подветренной стороны от косяка, Лотар повернулся к корме и приложил ладони рупором ко рту.

— Бросай! — проревел он. — Бросай!

Команда, состоявшая из чернокожих гереро, распустила скользкий узел на фалине, что удерживал ялик, и сбросила лодку на воду. Маленький деревянный ялик вместе с да Сильвой, цеплявшимся за планшир и продолжавшим протестовать, упал за траулером и запрыгал на кильватерной волне, волоча за собой конец тяжелой сети.

Пока траулер продолжал описывать круг возле части косяка, грубые коричневые ячейки сети скрежетали и шипели, переваливаясь через деревянный поручень, пробковый линь раскручивался, как питон, и стекал за борт, являя собой пуповину, связывающую ялик и траулер. Пробковые поплавки, распределенные равномерно, словно бусы на нитке, образовали кольцо вокруг

плотной массы косяка, и теперь ялик с да Сильвой, все еще выражавшим недовольство, оказался прямо впереди.

Манфред работал штурвалом, сопротивляясь тяге огромной сети, осторожно подводя траулер к ялику и закрывая дроссель, когда они соприкоснулись. Теперь сеть замкнулась, окружив косяк, и да Сильва взобрался на траулер, таща на плече концы тяжелых трехдюймовых линий из манильской пеньки.

— Ты потеряешь сеть! — набросился он на Лотара. — Только сумасшедший будет окружать такую стаю — они просто удерут вместе с твоей сетью! Да будут мне свидетелями святой Антоний и благословенный святой Марк...

Но, следуя кратким указаниям Лотара, команда гереро уже начала медленно поднимать сеть. Двое сняли с плеча да Сильвы линии, а один помогал Лотару заправить в лебедку стяжной трос.

— Это моя сеть и моя рыба, — проворчал Лотар, начиная вращать грохочущую лебедку. — Не путайся под ногами!

Сеть висела в прозрачной зеленой воде на семьдесят футов в глубину, но снизу она оставалась открыта. Прежде всего требовалось немедленно закрыть ее до того, как рыба обнаружит путь к бегству. Лотар согнулся над лебедкой, мускулы на его обнаженных руках вздулись буграми под загорелой кожей, и он ритмично двигал плечами, быстро наматывая стяжной трос на барабан лебедки. Трос, проходящий сквозь стальные кольца по всей нижней части сети, теперь закрывал ее, как шнурок на гигантском табачном кисете.

В рулевой рубке Манфред осторожно маневрировал, то слегка продвигая траулер вперед, то отступая, чтобы корма оказывалась достаточно далеко от сети и не намотала ее на винт. Старый да Сильва отвел ялик к дальней стороне поплавков и захватил линь крюком, чтобы придать пробкам больше плавучести в тот момент, когда огромный косяк обнаружит, что попался в ловушку, и начнет паниковать. Лотар, работая быстро, продолжал вытягивать стяжной трос, пока наконец на борту не оказались последние из стальных колец. Сеть закрылась, косяк оказался в мешке.

Лотар, обливаясь потом, в промокшей рубашке, прислонился к плану, настолько вымотанный, что даже не мог говорить. Его длинные серебристо-белые волосы, отяжелевшие от пота,

упали ему на лоб и на глаза, когда он жестами отдавал приказ да Сильве.

Пробковые поплавки лежали аккуратным кольцом на пологих зеленых волнах холодного Бенгельского течения, и на дальней от траулера стороне был закреплен маркер. Но пока Лотар наблюдал за ним, задыхаясь, хватая ртом воздух, кольцо поплавков начало менять форму, быстро удлиняясь, когда рыбный косяк в первый раз ощутил сеть и одновременно налег на нее. Потом напор изменил направление, рыбы развернулись и бросились в другую сторону, волоча сеть и ялик так, словно это были обрывки плавающих водорослей.

Сила рыбьей массы была неодолимой, как сила Левиафана.

— Боже, да мы захватили даже больше, чем я рассчитывал, — выдохнул Лотар.

Потом, встрепенувшись, отбросил с глаз мокрые светлые волосы и побежал к рулевой рубке.

Косяк метался в сети в разные стороны, без труда подбрасывая на кипящих волнах ялик, и Лотар почувствовал, как палуба траулера резко накренилась под его ногами, когда живая масса снова шарахнулась в сторону.

— Да Сильва был прав. Они сходят с ума, — прошептал Лотар, бросаясь к рукоятке туманной sireны.

Он резко прогудел трижды, зовя на помощь, а когда снова выбежал на палубу, то увидел, что три других траулера повернули и спешат к нему. Ни на одном из них так и не набрались храбрости, чтобы забросить сети в гигантский косяк.

— Скорее! Скорее, черт побери! — бессмысленно рявкнул в их сторону Лотар, а потом закричал на свою команду: — Всем поднимать сеть!

Матросы колебались, пятились, не желая тащить сеть, ходящую ходуном под водой.

— Пошевеливайтесь, черные ублюдки! — заорал Лотар и сам подал пример, подбегая к планширу.

Им нужно было лишить рыбу пространства, согнать маленьких рыбешек так плотно друг к другу, чтобы косяк потерял силу.

Сеть была грубой и жесткой, как колючая проволока, но люди наклонились к ней, используя качку корпуса на невысоких волнах, чтобы согласованными рывками вручную вытянуть ее выше.

Потом косяк снова метнулся, и все, что им удалось вытянуть, снова очутилось в воде. Один из гереро оказался слишком медлителен, чтобы вовремя отпустить сеть, и пальцы его правой руки застряли в ячейке. Плоть снялась с руки, как перчатка, оставив голые белые кости и обрывки мышц. Гереро закричал и прижал искалеченную руку к груди, пытаясь остановить поток яркой крови. Она плеснула ему в лицо и потекла по блестящей от пота черной коже груди и живота, впитываясь в штаны.

— Манфред! — громко крикнул Лотар. — Займись им!

Косяк попытался уйти на глубину, утащив край каната с поплавками под поверхность, и небольшая часть рыбы сбежала поверх него, тут же растворившись в светлой воде, как темно-зеленый дым.

— Хорошо, это излишки, — пробормотал Лотар. — Скатертью дорога!

Основная часть рыбы оставалась в ловушке, поплавки подпрыгивали на поверхности. Косяк снова нырнул в глубину, и на этот раз тяжелый пятидесятифутовый траулер опасно накренился, так что команде пришлось ухватиться за поручни, темные лица стали серыми, как пепел.

По другую сторону кольца поплавков резко дернулся ялик, он просто не мог сопротивляться. Зеленая вода плеснула через планшир, наполнив лодку.

— Прыгай! — закричал Лотар старику. — Держись подальше от сети!

Они оба прекрасно осознавали опасность.

В предыдущий сезон один из членов их команды упал в сеть. Рыбы тут же одновременно бросились на него, утаскивая под воду, сражаясь с сопротивлением его тела в своих попытках сбежать.

Когда несколькими часами позже они наконец достали тело со дна сети, они увидели, что напор рыб и огромное давление в глубине косяка просто разорвали человека. Рыбы пробились через его рот в живот; они, словно серебряные кинжалы, вонзились в глазницы, вытеснив глазные яблоки и проникнув прямо в мозг. Они даже прорвали ткань его поношенных штанов и забрались в анус, так что человек оказался битком набит мертвой рыбой и раздулся, словно некий гротескный воздушный шар. Такое зрелище никто из них не смог бы забыть.

— Подальше от сети! — снова закричал Лотар.

Да Сильва бросился к дальнему концу тонущего ялика как раз в тот момент, когда лодку затащило под воду. Он отчаянно барахтался, но его тяжелые морские сапоги начали тянуть его вниз.

Однако рядом уже был Темный Хендрик, спешивший на помощь. Он аккуратно положил свой траулер вдоль вздувшейся линии поплавок, и двое из его команды выудили да Сильву из воды и втащили на борт, а остальные по команде Темного Хендрика зацепили крюками дальнюю сторону сети.

— Только бы сеть выдержала, — проворчал Лотар.

Два других траулера уже подошли и тоже захватили поплавки. Четыре больших судна выстроились вокруг плененного косяка, и матросы начали поспешно «сушить сеть».

Фут за футом они вытаскивали ее, по двенадцать человек на каждом траулере, и даже Манфред занял место рядом с отцом. Они хрипели, напрягались и потели, обдирая до крови руки, пока рыбы металась в воде. Постепенно, дюйм за дюймом, люди наконец усмирили огромный косяк; сеть показалась из воды, и верхние рыбы уже беспомощно бились на воздухе над плотно сбитой массой своих сородичей, тонувших и умиравших в давке.

— Вычерпывай! — кричал Лотар.

На каждом из траулеров по три человека, вооружившись ручными сетями на длинных рукоятках, начали выбрасывать рыбу на палубу.

Ручные сети имели ту же форму, что и сачки для бабочек или те маленькие сетки, с помощью которых дети ловят креветок и крабов на берегу моря. Только у этих сачков рукоятки были длиной в тридцать футов, а сами сетки могли подхватить до тонны живой рыбы зараз. По краю стального кольца сетки в трех местах крепились манильские канаты; они были сращены с более мощным канатом лебедки, с помощью которой сетки поднимали и опускали. Нижнюю часть сетки можно было открывать или стягивать с помощью стяжного линя, пропущенного через ряд небольших колец, точно так же как и большую сеть.

Пока ручную сеть вытаскивали на нужную позицию, Лотар и Манфред быстро открыли люк трюма. И тут же оба вернулись

на свои места — Лотар к лебедке, а Манфред к стяжному канату ручной сети. Лотар со скрежетом и грохотом вращал лебедку, поднимая сеть к грузовой стреле над их головами, а трое мужчин длинной рукояткой направили сеть за борт, над беснующимся рыбным косяком. Манфред резко дернул стяжной канат, и нижняя часть сети закрылась.

Лотар переключил механизм лебедки — и, все так же скрипя шкивом, сеть упала в серебряную живую массу. Трое матросов всем своим весом налегли на рукоятку, заставляя сеть погрузиться в живую кашу из сардин.

— Поднимай! — закричал Лотар и снова переключил механизм лебедки.

Сеть пошла вверх сквозь косяк и выскочила на поверхность с тонной бьющихся серебряных сардин. Манфред крепко удерживал стяжной канат, и полная сеть закачалась над открытым люком.

— Выпускай! — крикнул сыну Лотар.

Манфред отпустил стяжной трос. Нижняя часть сети открылась, и тонна сардин хлынула в трюм. Крошечные чешуйки обдирались с рыбьих тел от такого грубого обращения, и сардины посыпались над стоявшими на палубе людьми, как снежинки, сверкая на солнце чудесными оттенками розового, красного и золотого.

Когда сеть опустела, Манфред снова дернул стяжной трос, закрывая ее, и матросы опять шестом направили ее за борт. Опять заскрипела лебедка, сеть упала в косяк, и все повторилось снова. На каждом из других траулеров также тяжело трудились матросы с сетями и стоявшие у лебедек люди, и каждые несколько секунд еще одна тонна рыбы, водорослей и прозрачных чешуек выплескивалась из сетей над разверстыми люками и выливалась в трюм.

Эта монотонная, однообразная работа была крайне тяжелой и требовала напряжения всех мышц; каждый раз, когда сеть поднималась над головами, команду обдавало ледяной морской водой и чешуей. Когда действовавшие ручными сетями люди выдыхались, шкиперы заменяли их, не нарушая ритма подъемов и спусков, и те, кто управлял главной сетью, брались за «сачки». Лотар оставался у лебедки, высокий, бдительный и неутоми-